

Автор Anastasia Troianova - экологический журналист из России

Климатический эксперимент России на Сахалине — что дальше?

В России действует закон “о военной цензуре”, предусматривающий уголовную ответственность за распространение информации о происходящих на Украине событиях в негодных правительству формулировках. Поэтому журналисты независимых российских СМИ и равнодушные граждане, высказывающие свое несогласие, вынуждены использовать термин “спецоперация”, вместо слова “война”, чтобы избежать уголовного преследования. Хотя сегодня люди в России все чаще не произносят ни того, ни другого, а просто называют дату — 24 февраля. Они говорят: “а потом случилось 24 февраля” или “после 24 февраля все сломалось”. Сломалось, действительно, многое. Для большого числа россиян (не говоря об украинцах), жизнь раскололась на “до” и “после”. Причем текущие события вызывают не меньше ужаса, чем произошедшие в феврале. Ведь никто не знает, куда повернут международные отношения и как это скажется на жизни людей, которые не поддерживали ни “спецоперацию”, ни существующий политический режим.

Но этот текст — не о выживании в новой реальности, с которой пришлось столкнуться обеим сторонам конфликта, а о будущем “зеленой” повестки в России. В частности — первом климатическом эксперименте регионального масштаба, который разворачивается за 9 тыс. км от Москвы на острове Сахалин.

Что такое Сахалинский эксперимент

Сахалинский эксперимент состоит из двух взаимодополняющих направлений: достижения углеродной нейтральности и “жесткого” регулирования выбросов парниковых газов — но обо всем по порядку.

К началу 2026 года антропогенные эмиссии на Сахалине должны сравняться с поглотительной способностью местных экосистем — если все удастся, остров станет первым в мире углеродно-нейтральным регионом. Для достижения такой амбициозной цели правительство области хочет максимально газифицировать остров (сейчас многие домохозяйства и коммунальные предприятия работают на угле), развить там возобновляемую энергетику и водородное производство, перейти на низкоэмиссионный транспорт и восстановить леса.

Сахалинская область на относительно небольшой площади сочетает, на первый взгляд, не сочетаемые вещи: уникальные “зеленые” экосистемы и активную “черную” промышленность. С одной стороны — 68% территорий занимают леса, способные [“связывать”](#) более 11 млн тонн CO₂-экв. парниковых газов ежегодно — это все равно, что “запечатывать” [выхлопы](#) около 2.4 млн автомобилей. С другой — изобилие полезных ископаемых: уголь, нефть, газ и металлы, активная добыча которых развивалась на протяжении последнего столетия. Почти 60% ВРП Сахалина составляют добывающие отрасли, а три четверти от общего объема промышленного производства занимает нефтегазовый комплекс. Вся эта деятельность сопровождается внушительными выбросами парниковых газов — 95% из них приходится на энергетический сектор.

Достижение углеродной нейтральности невозможно без сокращения промышленных выбросов, поэтому в дополнение к “превентивным” мерам на острове будет запущено “жесткое” регулирование. Сегодня в России [действует](#) “мягкая” система — налоговой нагрузки на бизнес и ограничений на выбросы в масштабах страны пока нет. Об эмиссиях [должны](#) отчитываться лишь крупные компании, ежегодно выбрасывающие более 150 тыс. тонн CO₂-экв. парниковых газов — всем остальным разрешено предоставлять отчетность по желанию. Однако в марте 2022 года правительство РФ [приняло](#) закон “О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных регионах РФ” — согласно ему, на Сахалине впервые в России применят систему квотирования, то самое “жесткое” регулирование.

Сахалинским предприятиям-эмитентам, выбрасывающим более 20 тыс. тонн CO₂-экв. парниковых газов, установят квоты — ежегодно допустимый объем выбросов, за превышение которого обяжут платить. Вместе с тем в области создадут региональный углеродный рынок — его участники смогут совершать сделки по купле-продаже неиспользованных квот, а также обмениваться углеродными единицами, выпущенными при реализации тех или иных климатических проектов.

Фактически на Сахалине закладывается фундамент системы углеродного регулирования, которая может быть перенесена на другие регионы — Россия взяла на себя обязательства достичь углеродной нейтральности к 2060 году.

Как развивается Сахалинский эксперимент

[Изначально](#) эксперимент по “жесткому” ограничению выбросов планировали начать 1 марта 2022 года, но за три недели до “спецоперации” власти объявили о переносе старта на 1 сентября. По официальной версии, эти проволочки [связаны](#) с правительственными постановлениями, которые не успевали принять в срок. Но в конце марта Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) направил в Правительство РФ предложение перенести срок еще на один год — и запустить эксперимент 1 сентября 2023-го. Организация [считает](#), что взимание платы за выбросы мешает местным компаниям справиться с санкционным давлением и восстановить экономическую деятельность.

Однако, по мнению Михаила Юлкина, директора компании “КарбонЛаб”, эксперта по климатической политике и низкоуглеродному развитию, российский бизнес не должен забывать, что декарбонизация — основной вектор развития мировой экономики и технологий. Несмотря на текущее обострение, изменение климата продолжается, а риторика, развернувшаяся в мире вокруг военного конфликта, лишь подчеркивает желание многих стран уйти от ископаемого топлива. “Можно думать, что “спецоперация” позволит отложить декарбонизацию, но если мы хотим рано или поздно вернуться в мировую экономику, надо возвращаться с этой повесткой — а она в России все еще находится в зачаточном состоянии, — говорит Юлкин. — Эксперимент на Сахалине — то небольшое, что мы действительно собираемся делать всерьез. Там тоже есть проблемы, но они существовали еще до 24 февраля”.

Место проведения первого климатического эксперимента Россия выбрала не случайно. Согласно [инвентаризации](#) выбросов парниковых газов, проведенной ИГКЭ, в Сахалинской области разница между антропогенными эмиссиями и естественным поглощением составляет 1 млн 265 тыс. тонн CO₂-экв. парниковых газов (12.3 млн тонн против 11.1 млн тонн). “Дельта” хоть и небольшая, но объем работ предстоит внушительный. Углеродное квотирование дополняют мероприятия из “бытового”, то есть нерегулируемого сектора — правительство области планировало сокращать выбросы газификацией, внедрением газомоторного и электротранспорта (хотя в России нет серийного производства электромобилей), наращиванием источников возобновляемой энергии — в основном усилиями организации “Новавинд”, которая собиралась возвести на острове 5 ветропарков общей мощностью 200 МВт. Также на Сахалине в содружестве с французской компанией Air Liquide велась разработка комплекса по производству голубого водорода. Но суждено ли этим планам сбыться теперь?

Если верить официальным заявлениям представителей власти — Сахалинский эксперимент развивается согласно намеченному графику. Об этом [заявляли](#) Илья Торосов — первый заместитель министра экономики России, и Милена Милич — министр экологии и устойчивого развития Сахалинской области. Однако Милич отметила, что после 24 февраля появились новые барьеры для международного признания систем мониторинга, оценки выбросов и поглощений парниковых газов, верификации российских климатических проектов и торговли углеродными единицами. “Но у нас нет варианта делать шаг назад. Так или иначе, проблемы экологии и климата не снимаются в период действия санкций, — и в мирное, и в кризисное время это планетарный вызов для всего мирового сообщества”, — [сказала](#) министр в день подписания закона о проведении эксперимента.

Экономика Сахалина ориентирована на международное сотрудничество — большая часть добываемых на острове полезных ископаемых идет на экспорт. Но если учесть, что планета переходит на “зеленые” рельсы, в долгосрочной перспективе у главных отраслей (нефти, угля и газа), составляющих основу бюджета Сахалинской области, нет будущего. С изоляцией, похожей на сегодняшнюю, остров сталкивался в 2020 году в период пандемии коронавируса — тогда собственные доходы региона существенно [снизились](#) из-за падения цен на нефть и газ. Текущий кризис, ударивший по российским энергетическим компаниям, может вновь повлиять на региональный бюджет и затормозить реализацию мероприятий в нерегулируемом секторе.

“Санкции и общий тренд на отказ от угля, нефти и газа ускоряет процесс деградации этих отраслей на Сахалине. Они уже не будут ни локомотивами восстановления экономики, ни локомотивами развития региона. Надо искать другой путь. Дело в том, что декарбонизация в Сахалинском эксперименте изначально рассматривалась механистически — как простое уравнивание поглощений и эмиссий парниковых газов. Но низкоуглеродное развитие и регулирование выбросов должны решить более сложную задачу — перенаправить поток человеческих и финансовых ресурсов в новые отрасли, которые составят основу “зеленой” экономики, — объясняет Михаил Юлкин.

По словам эксперта, региональным властям нужно четко понимать, что такое низкоуглеродная экономика Сахалина. Гнаться сразу и за традиционным топливом, и за возобновляемыми источниками невозможно — не хватит сил. Надо выбирать направление сейчас — ведь чем дальше, тем больше средств будет оседать в традиционных отраслях, и тем сложнее будет развернуться потом. “На мой взгляд, учитывая расположение и возможности, остров мог бы стать водородным кластером — и производить, в первую очередь, зеленый водород. Но за счет внутреннего рынка Сахалин не продержится — он должен взаимодействовать с другими странами. Вторая проблема — отсутствие технологий для строительства этого “зеленого” будущего. У нас их нет ни на острове, ни на континенте — появиться они могут только в тесном сотрудничестве с зарубежными специалистами. Но для этого нужна спокойная обстановка и окончание военной операции”, — добавляет Юлкин.

Технологии — одна из самых больных тем текущего кризиса. России редко удавалось идти в ногу с продвинутыми странами. В основном она серьезно отставала — и сейчас, когда иностранные компании уходят с рынка и прекращают поставки, это технологическое “неравенство” выходит на первый план. Многие сферы нашей жизни — от сельского хозяйства до высокоточного машиностроения — несмотря на проведенную в прошлые годы локализацию, оказались зависимы от зарубежных технологий — это касается и “зеленого” сектора. Например, в России всего две компании занимаются разработкой солнечных энергетических систем — “Хевел” и “Солар Системс”. А в области ветроэнергетики собственных разработок нет — для развития этого направления несколько лет назад были образованы консорциумы с европейскими компаниями.

“НоваВинд” приобрела технологию создания ветроустановок у голландской компании LagerWey. Сейчас “НоваВинд” [заявляет](#), что доля локализации в производстве основных элементов ветряков составляет 70%, поэтому критических трудностей нет. Но как скажется на строительстве ветропарка на Сахалине новая военная реальность пока не известно. Возможно планы станут менее грандиозными, ведь теперь, даже если поставка компонентов остается возможной, их цена значительно вырастет.

Сейчас российская электроэнергетика фактически законсервирована — и если для традиционных отраслей эта остановка в развитии несущественна, то [планы](#) по декарбонизации и наращиванию альтернативных источников энергии могут пойти прахом. Один из столпов низкоуглеродного развития — международное сотрудничество. В изоляции от мира стране с отстающим технологическим комплексом будет трудно справиться с переходом на “зеленую” экономику даже в масштабах одного региона.

То же касается и технологий производства водорода — прежде всего зеленого, который “добывается” с использованием возобновляемых источников энергии. Все собственные разработки России либо находятся в стадии исследования, либо реализованы в единичных экземплярах. Air Liquide пока не заявляла об уходе с российского рынка, но [приостановила](#) инвестиции и крупные девелоперские проекты — что может негативно сказаться на создании сахалинского водородного кластера.

“Потенциально Сахалин мог сотрудничать не только с Европой, но и с ближайшими странами — Японией, Южной Кореей, Китаем и другими государствами Азиатско-тихоокеанского региона. Но в политической изоляции трудно организовать не только передачу технологий, но и обмен знаниями, опытом, ноу-хау между специалистами. Все это будет сейчас затруднено”, — комментирует Михаил Юлкин.

Однако, по словам эксперта, несмотря на закрывшиеся для Сахалина возможности, есть вещи, которыми можно и нужно заниматься даже в таких условиях. В первую очередь это касается внедрения системы учета выбросов парниковых газов на промышленных предприятиях. “Это тот минимум, который они должны были сделать еще 6-7 лет назад. Надеюсь, что в рамках Сахалинского эксперимента удастся сфокусироваться на качественной оценке эмиссий, создать работающую систему мониторинга и подсчета выбросов парниковых газов”.